Мира Володина

Северный плен
Волчица конунга

18+

Мира Володина

Северный плен. Волчица конунга.

«Автор»
2026

Володина М.

Северный плен. Волчица конунга. / М. Володина — «Автор», 2026

«Ты боишься не меня, — сказал он тихо. — Ты боишься, что я могу быть не чудовищем. Бойся этого, рабыня. Потому что это страшнее». Славянская земля Гардарика горит. Её дочь, Милана, становится рабыней конунга Бьорна Железного Бока — человека, убившего её отца. Она ненавидит его. Он презирает её. Но когда первая жена-сеид насылает проклятие, а дядя-предатель поднимает мятеж, рабыня и конунг оказываются на одной стороне. Между цепями и поцелуями, между кровью и снегом рождается любовь, которой не нужны слова. Только выбор. Только жизнь. Только вдвоём.

© Володина М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Глаза, достойные меча 5
Глава 2. Фьорд, полный змей 10
Глава 3. Прикосновение господина 14
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Мира Володина
Северный плен. Волчица конунга.

Глава 1. Глаза, достойные меча

Часть первая. Кровь и мёд

Дым жёг глаза, когда «Морской Змей» — тридцативесельный драккар с вырезанным на носу волком — ткнулся носом в илистый берег земли, которую мои люди звали Гардарикой.

Ледяная вода обожгла ноги, снег заскрипел под подошвами. Я спрыгнул в воду по пояс. Рядом захрустели вёсла — моя свора вываливалась на славянский берег, как голодные псы из клетки. Крики. Первая деревня за холмом уже горела, но мне было плевать на добычу.

В груди клокотала ярость — тупая, тяжёлая, как камень на шее утопленника.

Сигурд. Дядя. Красивый, скользкий ублюдок с улыбкой, которая не доходила до глаз. Его удар ты не видишь, пока нож не вошёл между рёбер. Мой лучший воин, Торкель Смеющийся — предал. Не в честном бою. Грязнее. Сигурд заплатил ему, чтобы его любовница подсыпала мне в мёд сонного корня. Той ночью меня вырвало прямо на скамью, и если бы не служанка, что закричала вовремя — я бы спал вечным сном, а Сигурд уже правил бы фьордом.

Торкель повешен на воротах. Бабу его скормили свиньям.

Но гнев остался.

Я — Бьорн Железный Бок. Тридцать два года, ростом выше всех во фьорде. Волосы цвета старой меди заплетены в косу, лицо в шрамах, нос ломан дважды. Глаза — как балтийский лёд: не видишь дна, знаешь только, что холодно. Тело в татуировках — вороны, топоры, волк Фенрир на левом предплечье. На рукояти топора вырезаны руны — моё имя и просьба к Тору не дать сгинуть в чужой земле. Я не верю в богов, но традицию чту.

Меня боятся. Иногда я сам себя боюсь. Остальное — неважно.

Но сегодня даже запах крови казался пресным. Сигурд испортил мне отличный налёт.

На берегу трое мужиков с вилами пытались защитить лодку. Я перехватил топор поудобнее. Первый получил обухом по ключице — хрустнуло сладко. Второй взмахнул вилами — я ушёл в сторону, сломал ему челюсть тыльной стороной ладони и толкнул в ещё тлеющий костёр. Он заорал. Третий побежал — мой воин догнал его и всадил копьё в спину. Восемь ударов сердца — и всё.

— Хорош, конунг, — хмыкнул Харальд Кривая Рука.

— Не отвлекайся, — бросил я. — Жгите всё к хельхейму. А я пойду к грехам.

— Пощады не будет?

— Ты слышал слово «пощада» от меня когда-нибудь?

Харальд оскалился. Хороший пёс.

Я пошёл вверх по улице, которая ещё час назад была тихой славянской околицей. А теперь здесь пахло гарью, потом и медью.

Вот двое моих воинов выволакивают из избы молодку с младенцем. Она кричит, бьётся, царапается — без толку. Один берёт её прямо на крыльце, задрав юбку, пока второй держит. Ребёнка кидают в снег. Он не плачет — замёрз, наверное. Или уже всё равно.

Я прохожу мимо. Не останавливаюсь.

«Не сегодня, — думаю я. — Скучно. Бабы кричат одинаково во всех землях».

Вот дальше — двое над телом старухи. Один уже расстёгивает штаны. Другой смеётся. Старуха не шевелится — или мертва, или уже не в себе.

— Эй, — бросаю им на ходу. — Вы что, совсем охренели? Мёртвую? Зачем?

— А чего она, конунг? — ржёт один. — Тёплая ещё.

— Идиот. Найди живую.

Они переглядываются и уходят дальше. Я качаю головой.

«Боги, какой же скот. И я — их конунг. Позорище».

Вот это и есть ужас эпохи, о котором поют скальды. Никакой романтики. Грязь, кровь, и мужики, готовые надругаться над трупом. Тьфу.

Я поднимаюсь к храму — небольшой деревянной церкви, недавно срубленной, с грубо вытесанным крестом из нестроганых досок.

Двери выбиты. Внутри пахнет ладаном и медью — кровь слуг смешалась с воском. Мои люди уже поработали тут — двое стоят над телами. Один старик в чёрном затих у алтаря, залитый кровью.

— Конунг! — рыжий Ульф оборачивается. — Тут бабы, за стенкой. Плачут.

— Вытащи.

Он пнул резную дверь. Та слетела с петель.

Часть вторая. Милана

Воспоминание в трюме (позже).

…Моё имя Милана, дочь Иоанна. Он был не просто псаломщиком — он умел читать и писать, переписывал книги, составлял молитвенники. Мать умерла, когда мне было десять: бревно при строительстве часовни раздавило её насмерть. Отец учил меня грамоте. Я знала несколько языков. Умела считать. Говорил: слово порой крепче стали, потому что слово живёт века, а меч ржавеет за десять лет.

Я не умела драться. Я умела молиться.

Когда пришли слухи о полуночных зверях, отец не поверил: «Бог не попустит».

Бог попустил.

Я бежала босиком по траве к церкви, слыша сзади его крик: «Господи, прими…» Потом тишина.

В церкви уже прятались женщины — жена кузнеца с младенцем, старая Анфиса, молодая Настя. Забились в ризницу. Пахло ладаном и ужасом.

«Слово сильнее стали. А что делать, когда сталь уже занесена?»

Я взяла тяжёлое распятие. Настя прошептала: «Ты что, Милана?»

— Я не хочу умирать как безропотная овца.

Дверь разлетелась в щепки.

Часть третья. Бьорн. Продолжение.

Из ризницы вывалился комок юбок и крика. Три женщины. Две старые, одна молодая — не та. Молодая повизгивала, прижимая к груди образок.

— Это всё? — спросил я.

— Больше нет, конунг.

Старуха — та, что постарше — упала на колени и принялась целовать мои сапоги. Отвращение подкатило к горлу. Я отшвырнул её ногой, она ударилась головой о скамью и затихла.

— Обыщите алтарь. Образки — на дрова, золото — на корабль.

Я пошёл дальше, в глубь храма. Шорох. Тень за алтарём.

— Выходи. Я сегодня добрый. Умрёшь быстро.

Тишина.

— Если заставлю искать — сначала отрежу пальцы.

Занавесь дрогнула. Из-под неё вышла она.

Девчонка. Лет восемнадцати, не больше. Русые волосы растрёпаны, на щеке грязь, губы закушены до крови.

В руке — тяжёлая церковная железка.

Она держала её как дубину. В глазах — слёзы. Но не страх. Ярость. Холодная, обжигающая.

Она смотрела на меня, и я понял: эта будет биться.

— Ты что, хочешь убить меня церковной железкой? Забавно.

— Таких я обычно продаю в Миклагард — там любят понарошку жестоких.

— Зачем сопротивляться? Видишь, вон та баба лижет мне сапоги.

— Ты убил моего отца, — сказала она.

— Который из них — старик в рясе?

— Он не старик. Он — отец Иоанн.

— А, тот, что пытался благословить мой топор. — Я запнулся. — Топор не понял. Обиделся.

— Ублюдок.

Я засмеялся. Впервые с той ночи, когда Сигурд подсунул мне отравленный мёд.

— Гнида, — добавила она.

— Вы все так похожи, — я сделал шаг. — Сначала проклинаете, потом просите пощады.

— Не дождёшься.

Она занесла распятие.

Часть четвёртая. Кровь на палубе

Удар! — я перехватил на лету, дёрнул на себя. Она не отпустила. Вцепилась в бронзу мёртвой хваткой.

— Отпусти!

— Пошёл ты!

Она попыталась укусить меня за руку. Я отдёрнул, усмехаясь.

— Сумасшедшая! — рявкнул я, выкручивая ей запястье. — Сломаю руку.

— Сломай, — прошипела она. — Всё равно тебе не уйти от возмездия.

Я замер.

— Что?

— Бог покарает тебя. Может, не сейчас, но настигнет. Или ты думаешь, от судьбы можно уплыть?

Я отпустил распятие. Она отшатнулась, ударилась о стену.

— Как тебя зовут?

— Милана.

— Запомню.

Я вырвал у неё железяку, швырнул в угол.

— Ульф! Эта — моя. На «Змея», к моей скамье. Если тронешь — вырву яйца и скормлю чайкам.

Милана. Трюм.

Драккар пах рыбой, кровью и потом. Меня бросили в трюм — темнота, вонь, мокрое дерево. Старуху Анфису воины забрали сразу. Настю я слышала потом — она кричала долго.

Рядом, в темноте, кто-то молился на незнакомом языке. Потом молитва оборвалась всхлипом, и хриплый голос воина сказал: «Следующая».

Потом пришли Ульф и двое.

— Конунг сказал не трогать?

— Сказал — к его скамье. А пока мы плывём — она наша. Один разок можно.

Ульф схватил меня за волосы.

Я ударила его осколком — тем, что спрятала в рукаве ещё в храме. Полоснула по пальцам — он заорал, отпустил.

— Сука!

Удар по лицу, пинок в живот, ещё удар — они били ногами по рёбрам, по спине, по голове. Я свернулась клубком.

— Вяжите её, — рявкнул Ульф.

Связали и бросили.

Ночью я разгрызла верёвку. Зубами — до крови дёсен.

Вокруг спали воины. Храпели как медведи.

Я подползла к рыжему детине. Его нож лежал рядом. Я взяла нож. Он проснулся.

— Ты…

Я перерезала ему горло. Кровь хлынула на руки. Его глаза остекленели.

«Как резать барана. Отец учил резать барана».

— Стоять! — заорали.

Я рванула к борту, но чья-то рука — огромная, в татуировках — схватила меня за шиворот и швырнула на палубу.

Бьорн. Стоял надо мной, освещённый луной. Без рубахи, с топором на поясе.

— Живучая, — сказал он. — Идиотка. За это я должен привязать тебя к веслу.

— Убей или отпусти.

Он подхватил меня за шкирку, подтащил к своей скамье. Схватил кожаный ремень с железной пряжкой.

— Не убью и не отпущу. — Он затянул ремень туго. — Ты теперь моя. Будешь спать у моих ног. Будешь есть, когда я разрешу. Если дерзнёшь — сломаю пальцы.

— Твои пальцы сломаются быстрее.

Он усмехнулся.

— Я проклинаю тебя, — продолжила я, глядя в его холодные глаза. — Твой род. Пусть твои дети умрут в утробах жён. Пусть воины предадут тебя…

— Ха! — он запрокинул голову и расхохотался. — Слышите? Девка с церковной железкой проклинает меня!

Никто не засмеялся. Смотрели на мёртвое тело. На меня, задыхающуюся на ремне.

Я понизила голос.

— Ты умрёшь в собственной постели. Умрёшь, когда сам попросишь пощады. Это не проклятие. Обещание.

Бьорн наклонился ко мне.

— Посмотрим, — прошептал он. — Ты опасна. Я это люблю. А пока, Милана, спокойной ночи.

Он выпрямился, зевнул и рухнул на лавку.

— Спать, Милана. Завтра попробуем друг друга на зуб снова.

— Я не сплю с врагами рядом.

— А придётся. Я храплю. И если пихнёшь — укушу.

Через несколько ударов сердца его дыхание стало ровным.

Бьорн

Я лёг, закрыл глаза. Но сон не шёл. В голове крутилось её лицо — злое, мокрое от слёз, но не сломленное. «Ты умрёшь, Бьорн», — сказала она. И я вдруг понял: она не врёт. Она дерётся до конца. Как я сам в молодости.

«Почему это меня так заводит?» — подумал я. И уже не представлял её мёртвой. Это было опасно, но я ничего не мог с собой поделать.

Милана

Я сидела на мокрых досках, прижав колени к груди. «Он не отдал меня Ульфу. Значит, бережёт для чего-то более мерзкого. Или… не мерзкого? Не надо, Милана, не думай так». Цепи можно разорвать. А эту мысль — нет.

Утро принесло зарево над сгоревшей деревней и новый день в ремнях. Я сжала кулаки. Клятва отцу ещё была со мной. Но где-то глубоко, там, где боль пульсировала в такт волнам, клятва звучала всё тише. И это было страшнее всего.

А где-то в ночи, на другом конце фьорда, человек со скользкой улыбкой гладил свой нож и думал о том, что у его племянника появилась слабость. Имя этой слабости — Милана.

Глава 2. Фьорд, полный змей

Часть первая. Длинный дом

Бьорн

«Морской Змей» вошёл в фьорд на рассвете третьего дня.

Вода здесь была тёмной, почти чёрной, пахла солью и рыбой. По берегам тянулись утёсы, в щелях которых копился снег. А там, впереди, над крышами длинных домов поднимался дым — мой дом.

Соль оседала на губах, снег скрипел под ногами. Я стоял на корме и смотрел, как приближается моя жизнь. Жена, дети, очаг, люди. И верёвка на шее той, что сидела у моих ног.

Милана молчала всю дорогу. Только смотрела на воду пустыми глазами. Я думал, она сломалась. Но когда Ульф бросил ей кусок хлеба, она съела его медленно, аккуратно, не поднимая глаз.

«Интересно, что у тебя в голове?» — подумал я. И тут она подняла взгляд. Прямо на меня. В серых глазах — лёд и угли. Никакой сломленности.

«Не расслабляйся, Бьорн. Она ещё укусит».

— Поднимайте парус! Пусть видят, что конунг вернулся с добычей.

Драккар заскрипел, входя в причал. На берегу толпились люди. Я искал среди них одну.

Вот она. Гуннхильд. Моя жена стояла на пирсе, сложив руки на груди. Длинные чёрные волосы распущены — знак вызова. Она всегда носила их так, когда хотела показать, что она не просто баба, а сеид. На лицо её было страшно смотреть: жёсткие скулы, тонкие губы, глаза походили на болото, в котором утонула не одна душа.

Ей было тридцать зим. Когда мы женились, её называли красивой. Теперь она походила на старое дерево — корявое, крепкое, с пустотой внутри.

Рядом с ней стояли двое наших сыновей — мальчишки семи и пяти лет.

Я спрыгнул на причал первым. Гуннхильд не двинулась.

— С победой, конунг.

— С добычей. Будет пир.

— Я вижу.

Она смотрела не на меня. На драккар, на воинов, на Милану, которую Ульф тащил за ремень.

Гуннхильд склонила голову.

— А это что?

— Моя личная рабыня. Будет чесать мне спину и спать у моих ног.

— У твоих ног сплю я.

— Ты спишь в своей постели. С тех пор как родила мне второго, ты спишь отдельно.

Она замолчала. Но её болотные глаза смотрели на Милану с такой ненавистью, что я почти физически ощутил её.

«Началось», — подумал я.

Часть вторая. Камень на шее

Милана

Длинный дом пах дымом, шкурами и чем-то кислым — квашеной рыбой или мочой. Я стояла с ремнём на шее, чувствуя сотни глаз.

Женщины в шерстяных платьях шептались. Мужчины у очага пили из рогов. Дети тыкали пальцами.

Он — Бьорн — сидел в высоком кресле. На спинке были вырезаны руны — *Thor vigi* (Тор защити). Справа стоял рыжий пёс Ульф. Слева — пустое место. Напротив восседала его жена.

— Подойди, — бросил Бьорн.

Ульф толкнул меня в спину. Я шагнула, споткнулась и упала на колени.

— Привыкай, — усмехнулся он. — Здесь все на коленях перед конунгом.

— Не все, — сказала я, поднимаясь. — Некоторые умирают стоя.

Гуннхильд повернулась к Бьорну:

— Отдай её псарям. Я давно не видела, как собаки рвут человеческое мясо.

— Нет.

— Я не спрашиваю, я советую.

— А я не принимаю советов.

Гуннхильд встала.

— Ты привёз в мой дом чужую бабу. Хочешь опозорить меня?

— Я хочу, чтобы ты заткнулась. Я конунг. Это мой дом. Моя рабыня. Моя спина, которую она будет чесать. Всё поняла?

Она сжала губы и вышла.

Я стояла посреди зала и вдруг почувствовала: он не отдал меня ей. Не из жалости — из упрямства. Но всё равно не отдал.

«Не смей думать о нём хорошо. Он убил твоего отца». Но где-то глубоко шевельнулось что-то чужое. Не надо.

Часть третья. Ласковый волк

Бьорн

Пир начался. Воины пили, орали песни, хватали пленных девок. Перед пиром принесли жертву Тору — зарезали козла, окропили кровью алтарные камни. Я смотрел на всё это и чувствовал пустоту.

Женщины пекли лепёшки, дети играли костяными фигурками. И вдруг я поймал себя на мысли, что хочу, чтобы Милана была частью этой жизни. Не рабыней — частью. Словно удар под дых.

Сигурд не пришёл встречать. «Больной», — передали его люди. Больной. Я знал эту болезнь — трусость.

Милана сидела у моих ног. Я кинул ей кусок мяса. Она спрятала в рукав.

— Зачем прячешь? На завтра оставляешь?

— Думаю, что ты завтра можешь сдохнуть.

— И то верно.

Я вдруг заметил: в грязи на её щеке проступил розовый след — кожа. И под слоем копоти угадывалась линия скулы. Тонкая, как край лезвия.

«Она красивая. Даже сейчас, в рванье и с разбитой губой». Я тут же выругал себя: «Бьорн, ты совсем сдурел. Она — рабыня. Хочет всадить тебе нож. А ты разглядываешь скулы».

Я отвернулся и налил себе ещё мёда.

В этот момент подвыпивший воин, Эйнар по прозвищу Косой, потянулся к Милане. Схватил её за волосы.

— А ну покажи, какая ты дерзкая на зуб?

Я схватил его за запястье и сжал. Хрустнуло.

— Отвали, моя.

Воины заржали, но негромко. Поняли.

Милана смотрела на меня с недоумением.

— Не смотри так. Ты — моя собственность. А собственность не имеет прошлого.

— Ты сам меня трогаешь без спроса.

— Я — хозяин. Мне можно.

В этот момент дверь отворилась, и внутрь вошёл он. Сигурд. Дядя. Красивый, светлые волосы, голубые глаза с прищуром. Борода короткая, ухоженная — он любил подражать южным ярлам.

— Племянник, я слышал, ты вернулся с победой.

— Ты слышал, что я вернулся, Сигурд. А что не вышел встречать, я списал на твою немощь.

— Немощь души. Я так скучал по тебе, что не мог показаться на люди.

Он прошёл мимо воинов и остановился перед моим креслом.

— А это кто? — его взгляд упал на Милану.

Она смотрела на него снизу вверх — в её глазах вспыхнуло узнавание: «ещё один зверь».

Сигурд наклонился и взял её за подбородок. Пальцы холодные, сухие, пахли миррой и ладаном.

— Какой ценный экземпляр. Глаза злые. Такие долго не живут или живут очень долго и дорого стоят. Береги её, племянник. Пока я сам не забрал.

Он улыбнулся и пошёл к столу.

Я смотрел на Милану. Она сидела не шевелясь, только мускул на шее дёргался.

— Не бойся его. Он умирает тяжело, но быстро.

— А ты? Ты тоже умираешь быстро?

Я не ответил. — Ешь мясо. Завтрашний день будет ещё тяжелее.

Часть четвёртая. Медный перстень

Милана

Ночью, когда пир утих, я сидела у его ног и не могла уснуть.

Ремень резал кожу. Я сжала кулак и нащупала под платьем твёрдый бугорок. Перстень. Медный, с выцарапанным узором, похожим на крест. Алексей подарил его перед именинами. «Потерпи, — сказал он. — Дождусь урожая, приду к твоему отцу, посватаюсь».

Он был плотником, Алеша. Мы целовались за церковью после вечерней службы.

Я так и не узнала, жив ли он.

— Что там у тебя? — раздался голос Бьорна.

Я вздрогнула. Он не спал.

— Ничего.

— Врёшь. Покажи.

Он наклонился и рывком разорвал ворот платья. Увидел перстень, сорвал.

— Отдай! — крикнула я, ударив его кулаком в плечо. Бесполезно.

— Чей? — спросил он, вертя медяшку.

— Мой. Подарок.

— От кого?

— От человека, который любил меня.

Он замер. В темноте его лицо было почти не видно.

— Жених?

Я не ответила.

— Где он?

— Не знаю. Надеюсь, жив.

Бьорн встал, вышел наружу. Я слышала плеск воды. Через несколько секунд он вернулся с пустыми руками.

— Ты выбросил его?

— Я конунг. Ты — моя вещь. Вещи не помнят прошлого. Поняла?

— Ты не имеешь права!

— Имею. Я взял тебя в набеге. Ты — моя рабыня.

Он лёг на лавку, повернувшись ко мне спиной.

А я сидела на мокрой земле, в разорванном платье, чувствуя, как рвётся что-то внутри. Не от страха — от злости и боли. Перстень был последней нитью к моей жизни. К Алеше. К тому, что я была не просто рабыней, а человеком, которого кто-то любил.

«Алексей, прости. Я не сберегла твой подарок».

— Бьорн, я всё равно тебя убью.

— Понял, — сказал он в темноту. — Спокойной ночи. И тише: твой жених, если жив, не полезет за тобой. Потому что я убью и его.

Я закусила губу до крови.

Бьорн

Я лежал и слышал, как она всхлипывает. В груди саднило. Я только что убил не человека — память. «Ты становишься немощным, Бьорн», — сказал я себе. Но голос внутри звучал неуверенно. Почему мне не всё равно? Она — рабыня, враг, а я ревную её к какому-то плотнику.

Милана

За окнами шумел фьорд. Где-то спал Сигурд и думал, как забрать меня себе. Где-то бродил Алексей. А я сидела у ног конунга и чувствовала, как внутри растёт ненависть. И ещё кое-что. Там, где кончалась ненависть, начиналась пустота. И в ней зарождалось что-то тёмное, липкое, совсем не похожее на страх. Она чувствовала это. И, кажется, он тоже. Но хуже всего было то, что она не хотела, чтобы оно исчезало.

А за окном, в снегу, стояла Гуннхильд и улыбалась. «Ты не знаешь, что он делает с теми, кто становится ему дорог», — прошептала она ветру. Никто не услышал.

Глава 3. Прикосновение господина

Часть первая. Мытьё ног

Милана

Первая неделя во фьорде стала чередой унижений, которые я считала — по ударам сердца, по комьям грязи, по бессонным ночам.

Бьорн не бил меня. Он делал хуже.

— Принеси воды, — приказал он на второй день. — Ледяной. Из фьорда.

Я принесла. Деревянное ведро оттягивало руку, ледяная вода обжигала пальцы. Он сидел на скамье, обнажив ноги — мускулистые, в шрамах, с налипшей грязью.

— Мой.

Я смотрела на его ступни — грубые, как корни деревьев. На грязь, запёкшуюся под ногтями.

— Я сказал — мой, — повторил он, не повышая голоса.

Рядом замерли несколько воинов. Ульф усмехался. Женщины у очага смотрели с любопытством.

Я опустилась на колени. Окунула тряпку в ледяную воду, сжала челюсти. Коснулась его ступни.

Кожа была шершавой, холодной. Я тёрла, чувствуя, как грязная вода стекает мне на руки, капает на платье, холодит живот.

— Сильнее, — сказал он. — Это тебе не картинки ваши протирать.

Я стиснула зубы. В голове зазвучал голос отца: «Гордыня — грех, Милана. Смирение — добродетель».

Отец никогда не мыл ноги язычникам. И умер, благословляя топор этого человека.

— Довольно, — Бьорн выдернул ногу. — Следующую.

Закончив, я поднялась. Вода хлюпала в башмаках.

— Убирайся к очагу, — бросил он.

Я ушла.

На третий день он заставил меня спать на голых камнях. Ни шкуры, ни плаща. Камни впивались в лопатки острыми краями. Я лежала, подложив руки, и чувствовала, как холод вытягивает тепло.

«Это не страшно, — говорила я себе. — Тело привыкнет».

Привыкло не сразу.

На пятый день я осмелилась взять овечью шкуру, когда он ушёл на тинг. Гуннхильд увидела.

— Ты что делаешь, рабыня?

— Беру шкуру. Мне холодно.

— Холодно? — она шагнула ко мне. — Я покажу тебе холод.

Она ударила меня по лицу — наотмашь, тяжёлой ладонью с кольцами. Я упала. Потом схватила плетёную верёвку — она свистела в воздухе, прежде чем впиться в спину раз, другой, третий.

Я не закричала. Свернулась клубком.

— Тварь, — прошипела она, бросая верёвку. — Помни своё место.

Она ушла. А я лежала, чувствуя, как спина горит, и впервые позволила себе тихо застонать.

«Где ты, Алеша? — подумала я. — Где тот, кто обещал построить дом, в котором я буду в безопасности?»

Тишина была ответом.

Часть вторая. История Гуннхильд

Бьорн

Я вернулся затемно. Милана лежала у очага лицом вниз. Платье на спине разодрано, сквозь прорехи — багровые полосы.

— Кто? — спросил я Ульфа.

— Твоя жена, — ответил он. — Та ещё змея.

Я подошёл. Она не спала.

— Покажи спину.

— Поди прочь.

Я дёрнул её за плечо, переворачивая. Она охнула, но не вскрикнула.

Спина была исполосована. Не глубоко — Гуннхильд хотела унизить. Крови много, запеклась.

«Как скот избила», — подумал я. И вдруг почувствовал злость. На жену.

— Что уставился? — прошипела Милана. — Мало тебе?

— Лежи.

Я пошёл к сундуку за шкурой и бурдюком с жиром.

Милана

Он вернулся с оленьей шкурой, чистой тряпицей и чем-то тёмным в роге.

— Раздевайся.

— Что? — я попятилась.

— Раны промыть. Загноятся — умрёшь.

— Тебе нужна моя спина, не я.

— Спорить будешь потом? — он наклонился и рывком разодрал рубаху от ворота до пояса.

Я вскрикнула — от боли, от стыда. Грудь моя была открыта ему.

Он не смотрел на грудь. Смотрел на спину.

— Терпи.

Настой из горького зелья обжёг раны. Я закусила губу. Он промывал каждую полосу медленно.

— Гуннхильд тоже была рабыней, — сказал он вдруг. — Давно.

Я молчала.

— Её захватили в набеге на фризских землях. Ей было четырнадцать. Первый хозяин отдал её своим воинам на забаву. Десятеро за одну ночь.

Я слушала, забыв о боли.

— Я купил её на торгу через год. Не ради неё — ради её дара. Она уже тогда видела руны.

— Ты купил её как рабыню, — сказала я.

— Да. Только она была сломлена. Не дралась, не кусалась. Лежала и смотрела в стену. Я кормил её с рук. И однажды она сказала: «Сделай меня своей женой. Я рожу тебе сыновей».

— И ты сделал.

— Потому что мне нужны были наследники. А она была удобной. Не требовала любви.

Он налил жир на раны — тёплый, густой. Я вздрогнула.

— Она влюбилась в тебя, — сказала я. — За то, что ты её выкупил.

— Я не был милосерден. Я был расчётлив. А она не знала разницы. Её никогда не брали без боли. А я не бил её. Для неё это было любовью.

— А для тебя?

— Для меня женщина была или добычей, или сосудом. Я не знал, что бывает иначе. До последнего времени.

Он накинул на меня шкуру. Прикосновение его пальцев было почти нежным — и от этого мне стало страшнее.

— Почему ты рассказываешь мне это?

— Чтобы ты поняла. Гуннхильд ненавидит тебя не потому, что ты молода или красива. А потому, что я с тобой не такой, как с ней.

Он отошёл к своей лавке, лёг, отвернулся.

А я сидела в шкуре и впервые не могла отличить ненависть от чего-то другого.

Часть третья. Ночь

Бьорн

Я не спал. Слушал, как она возится у очага.

«Что ты делаешь? Рассказываешь рабыне историю своей жены. Лечишь ей спину».

Я не хотел додумывать. Но тело помнило, как её кожа нагрелась под пальцами, как пахли волосы.

«Она сильная. Упрямая. Не как Гуннхильд».

Это привлекало меня. И было опасно.

«Бьорн Железный Бок — и вдруг смягчился. Хорошо, что скальды не слышат».

Я перевернулся.

Но сквозь сон услышал, как она подошла.

Я приоткрыл глаз.

Она стояла надо мной, закутанная в шкуру. Лицо в тени, но глаза в темноте отражали отсветы углей — два холодных огонька.

— Чего тебе?

— Ничего. Просто хочу посмотреть, как спит человек, который убил моего отца.

— Нравится?

— Не знаю. Ты не похож на монстра из моих сказок.

— В сказках монстры проигрывают. В жизни — не всегда.

Она ушла.

А я лежал и чувствовал, как под рёбрами ворочалось тяжёлое.

«Проклятье. Она правда красивая».

Часть четвёртая. Звериная нежность

Милана

На восьмую ночь я не выдержала.

Ремень на шее, камни под спиной — всё смешалось в тугую пружину. Я подошла к его лавке, дёрнула за край плаща.

— Проснись.

Он проснулся мгновенно.

— Я не хочу спать у очага. Я хочу спать на твоей лавке.

— С ума сошла?

— Ты сказал, что я — твоя вещь. Хозяин не даёт своей вещи гнить заживо.

Он сел. Лицо застыло, как маска из дубовой коры.

— Ты ослушиваешься?

— Я прошу справедливости.

Он схватил меня за волосы, рванул вверх. Я зажмурилась, ожидая удара.

Но удара не было.

Вместо этого он прижал мою голову к своей груди. К голой, горячей. Я слышала, как бьётся его сердце — тяжело, как кузнечный молот.

— Ты боишься не меня, — сказал он тихо. Голос дрогнул. — Ты боишься, что я могу быть не чудовищем. Бойся этого.

Я не двигалась. Его пальцы перебирали мои волосы — грубо, но бережно.

— Что ты делаешь? — прошептала я.

— Не знаю. И это пугает меня больше любого врага.

Он отпустил меня, оттолкнул на лавку.

— Спи здесь. Не смей трогать меня.

— Зачем тебе это?

— Не знаю. Может, во мне что-то сломалось. Или впервые встало на место.

Я лежала рядом — впервые не на камнях. Слышала его дыхание.

«Он мог бы меня убить. Или изнасиловать. Но он промыл раны. Рассказал про Гуннхильд. Позволил лечь рядом».

Где-то бродил Алексей. Где-то спала Гуннхильд.

А я лежала рядом с убийцей моего отца и чувствовала, как внутри растекается что-то тёплое, липкое, не похожее на злость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.